



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.6>

UDC 1(091)  
LBC 87.3(2)

Submitted: 14.12.2022  
Accepted: 26.06.2023

## GUILT AND RESPONSIBILITY FOR CRIME IN THE PHILOSOPHICAL VIEWS OF L.N. TOLSTOY AND F.M. DOSTOEVSKY

**Aleksandr V. Kiryakin**

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

**Abstract.** The article explores the dispute about the nature of a crime (guilt) and a punishment (responsibility) in the literary heritage of the Great Russian writers – F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy. In main task is to determine the difference in the approaches of writers to understanding crime and punishment. This problem is worked out by means of a comparative analysis on the views F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy. They both provide original ideas about the source of a crime: a human soul or the social environment. It is revealed that Dostoevsky's characters are searching for response to a question in the deepest foundations of a human soul, whereas, according to Tolstoy, the social environment – people themselves as the creators of their environment, lead other people to crimes and then punish them. It is revealed that F.M. Dostoevsky gives his own understanding of the essence of guilt and responsibility. Guilt is a consequence of the fall of man (the fall away from God). As long as a man is separated from God, he feels guilty about his free choice. It is stated that according to the writers, either a man punishes himself with a crime and then the crime becomes a punishment (Dostoevsky), or others punish him and commit a crime violating the Commandment: “Condemn not, and you shall not be condemned” (Tolstoy). Ultimately, a crimes as well as repentance always occur as a result of a change in a human soul. According to Dostoevsky, these actions require a man to change his spiritual nature. It turns out that at the same time, Tolstoy believed that a crime and a punishment cannot take place outside the social environment. This conclusion is confirmed in modern social practice. It is stated that modern society has mitigated punishments and demonstrated that partially limited rights and the positive social influence more effectively contribute to the correction of a man.

**Key words:** F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, destructive nature, essence of guilt, social environment, responsibility.

**Citation.** Kiryakin A.V. Guilt and Responsibility for Crime in the Philosophical Views of L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 49-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.6>

УДК 1(091)  
ББК 87.3(2)

Дата поступления статьи: 14.12.2022  
Дата принятия статьи: 26.06.2023

## ВИНА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДАХ Л.Н. ТОЛСТОГО И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

**Александр Викторович Кирякин**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация

**Аннотация.** В статье исследуется спор о природе преступления (вины) и наказания (ответственности) в творчестве великих русских писателей Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Ставится задача определить разницу в подходах писателей к пониманию преступления и наказания. Данная задача решается на основе сравнительного исследования взглядов писателей. И Ф.М. Достоевский, и Л.Н. Толстой дают оригинальные суждения о том, где зарождается преступление: в душе человека или под влиянием социальной среды. Установлено, что герои Ф.М. Достоевского склонны искать ответ на поставленный вопрос в себе самих, доходя до глубинных основ человеческой души, тогда как у Л.Н. Толстого социальная среда, сами люди, как создатели этой среды, толкают других людей на преступления, за которые потом их наказывают. Определено, что Ф.М. Достоевский дает собственное понимание сущности вины и ответственности. Появление вины видится им следствием грехопадения (отпадения от Бога), и пока человек отделен от Бога, он обречен чувствовать вину

за свой свободный выбор. Согласно писателям, сущность наказания состоит в следующем: человек наказывает преступлением сам себя, и тогда преступление выступает наказанием (Ф.М. Достоевский), либо его наказывают другие, сами при этом совершая преступление – нарушая божественную заповедь «не судите да не судимы будете» (Л.Н. Толстой). В конечном итоге преступление всегда следствие изменения души человека, как и раскаяние – все эти действия, как полагал Ф.М. Достоевский, требуют от человека изменения своей духовной природы. Л.Н. Толстой полагал, что ни преступление, ни наказание, ни раскаяние не могут происходить вне социальной среды. Данный вывод находит подтверждение в современной социальной практике. Таким образом, современное общество пошло путем смягчения наказания. Это показало закономерность того, что частично ограниченные права при позитивном влиянии социума эффективнее способствуют исправлению человека.

**Ключевые слова:** Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, деструктивность, сущность вины, социальная среда, ответственность.

**Цитирование.** Кириякин А. В. Вина и ответственность за преступление в философских взглядах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 49–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.6>

В книге Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» отмечено, как процесс наказания за совершенное преступление в Новое время проходит определенную эволюцию: происходит переход с наказания тела к наказанию души, «наказание перестает быть театром», зрелищем на потеху публике. Вместе с этим постепенно уходят в прошлое публичные казни, где палачи разных стран как бы соревновались друг с другом в искусстве убийства своей жертвы [Фуко 2016, 9–12].

Одновременно это означает и известное внешнее смягчение наказания, которое на деле представляло собой смещение акцента: «искупление, которое некогда терзало тело» заменялось «наказанием, действующим в глубине, – на сердце, мысли, волю, наклонности» [Фуко 2016, 14–15]. Сам процесс установления обстоятельств по делу приобретал совершенно новые элементы. В частности, для правосудия стала важна личность преступника (например, что толкнуло его на совершение преступления), а также какого рода наказание может способствовать его исправлению [Фуко 2016, 15–16]. Обозначенные вопросы вызвали ожесточенные споры как в судебной практике, так и в общественной и философской мысли. Ярким примером этих споров стали диаметрально противоположные к ним подходы со стороны великих русских писателей – Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

### О преступлении

Какова сущность преступления и природа закона, за нарушение которого полагается

наказание? Насчет преступления все кажется довольно очевидным (есть уголовное право, человек, преступивший его, совершает противоправное деяние, именуемое преступлением), как и на счет наказания (предусмотренное нормами уголовного права за совершенное противоправное деяние). Но эта очевидность является кажущейся, превратной: внешний формализм не позволяет проникнуть в сущность этих категорий. Первая сущность – природа закона.

В свое время Франц Кафка весьма остро поставил вопрос о природе закона, сведя его к абсурдистскому выводу: люди повинуются законам, которых не знают. А есть ли на самом деле эти законы, не плод ли они коллективной галлюцинации? Вторая же сущность касается души. В какой-то степени кафкианский «Процесс» можно свести к человеческой жизни: процесс открыт, и человек лишь его жертва. Человек умрет, как и жил: абсурдно, подчинив свою волю внешним обстоятельствам, не добившись ответов на вопросы, ни ради чего он жил, ни за что умирает. Человек даже не имеет права получить на них ответы, единственное, что у него осталось, это право их задать, и это право само под вопросом – таков вердикт Франца Кафки [Кафка 2007, 520–522].

Однако же мы таковы, каковы есть. А законы – суть внешние флажки, ограждающие наше бытие-в-мире от бытия-в-мире себе подобных. Они могут быть абсурдными в кафкианском смысле, греховными и ненужными в толстовском правовом нигилизме, необходимыми, несмотря на все свои изъяны, по

Ф.М. Достоевскому. Мы наделяем судей правом быть говорящим законом, надеясь, что он не коснется нас самих, мы создаем теорию разделения властей и окружаем ее системой сдержек и противовесов, чтобы власть законодательная, идущая от людских масс, имела возможность принимать те законы, которые люди считают для себя необходимыми, и не принимать иных, испытывая негативное давление других ветвей власти. Но при этом мы те, кем мы являемся. Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой ставят перед нами весьма сложный вопрос: душа или социальная среда источник преступления?

### Среда или душа?

В «Дневнике писателя» за 1873 г. Ф.М. Достоевский относительно среды, то есть социального окружения личности, замечает, что, делая ответственной за все среду, мы руководствуемся учением, противоположным христианству. Тогда как христианство провозглашает единство свободы и ответственности, теория среды низводит «человека к зависимости от каждой ошибки в устройстве общественном» [Достоевский 2007, 62–63]. Христианство провозглашает достоинство личности, теория среды обезличивает и, тем самым, освобождает человека «от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства» [Достоевский 2007, 63].

Здесь интересно и то, что по Ф.М. Достоевскому русский народ жалостлив, и даже склонен оправдывать людей, совершивших преступление, сознавая и собственную греховную природу, разделяя, таким образом, вину преступника, а как может судить тот, кто сам не без греха? [Достоевский 2007, 62]. Здесь проходит важнейший водораздел между точками зрения Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Последний настаивает на том, что тот, кто сам греховен, не вправе судить другого человека. И, если Бог дал эту заповедь, то она не терпит исключений. А кто судит у нас? Люди, которые более заняты самими собою и своими личными интересами, а не истиной [Гольденвейзер 1911, 23].

Толкование Л.Н. Толстым заповеди «не судите да не судимы будете» максимально выхо-

дит за рамки традиционного церковного толкования: «Иисус говорит: Не судите и не судитесь, а прощайте, всё прощайте. Вы будете прощать, и вам будут прощать. А если вы будете судить, и вас будут судить, и зло никогда не кончится. И, как в прежних правилах, дав правило, Иисус с двух сторон объясняет его: с внутренней – для каждого, и с внешней – для всех. Для каждого он говорит: Как может кто-нибудь из людей судить другого? Ведь судящий должен видеть, что хорошо и что дурно, но как же ему видеть, что хорошо, что дурно, когда он сам судит, т. е. хочет мстить и наказывать; он тем самым, что судит, уже утверждает зло, и потому, если он судит, то он сам слепой, который хочет вести слепого... И потому, если они наказывают, – не верьте, что они добры. Вот смысл этого места» [Толстой 1957в, 242–243].

Как нельзя судить, так «нельзя и не должно... приговаривать к наказаниям». В этом вопросе Л.Н. Толстой радикален: «Если бы и не сказано было после этого: не судите и не приговаривайте к наказанию и тогда бы ясно было, что это само собою разумеется, потому что Иисус Христос учит всех прощать. Кто же будет наказывать, если он всех учит не противиться злу и не мстить... Кроме того, разве всё учение прощения, все притчи: о прощенной блуднице, о должнике, самая молитва, учащая прощать должникам нашим, разве всё не говорит то же самое? Но тут еще прямо двумя словами, такими, которым нельзя придать никакого другого смысла, сказано: Не судите судами, не приговаривайте к наказаниям. И что же? Все церкви, все толкователи говорят, что это значит: *évitez, lamédiance*, не сплетничай – и больше ничего. Не сплетничать и не говорить дурного о людях – недурно; но прежде всего надо их не судить судами, не наказывать, не исправлять, не мстить, – это главное и сказано» [Толстой 1957в, 245].

### Суд

На генезис подобных взглядов Л.Н. Толстого повлияло одно важное событие его биографии. П.В. Басинский упоминает, как Л.Н. Толстой в 1866 г. согласился быть защитником писателя Василия Шабунина на суде, обвиняемого в том, что тот ударил по лицу

ротного командира Яцевича. По законам военного суда писарь был приговорен к смертной казни. Причем в этой истории симптоматично все: и нежелание назначенных судей сослуживцев осудить Шабунина на смертную казнь, но все равно «выполнивших свой долг», и нежелание самого Яцевича, чтобы писарь был приговорен именно к смерти. И даже долгая бюрократическая процедура, связанная с попыткой Л.Н. Толстого выхлопотать помилование Шабунина у императора. Пока она шла, «командующий войсками Московского военного округа утвердил приговор» [Басинский 2018, 83–84]. Очевидцы писали, что «у молодых солдат, которые стреляли в писаря Шабунина, тряслись от волнения руки», но и они честно выполнили свой долг [Басинский 2018, 85–86]. Все выполнили свой долг... Ряд описанных деталей Л.Н. Толстой в последствии включил в роман «Воскресенье», а сами они – лишь одно из свидетельств «банальности зла».

Похожий случай был и в жизни французского писателя экзистенциалиста Альбера Камю: «...я подал петицию о помиловании шестерых тунисцев, приговоренных к смерти за убийство во время беспорядков трех французских жандармов. Обстоятельства убийства затрудняли определение степени вины каждого из участников. Ответ, полученный мною из канцелярии Президента республики, гласил, что моя просьба является вмешательством в деятельность компетентных органов. За две недели до получения ответа я узнал из газет, что приговор по этому делу уже приведен в исполнение. Трое осужденных были казнены, трое других – помилованы. Причины осуждения одних и помилования других не определены. Просто нужно было казнить именно троих, поскольку жертв было столько же» [Камю 1998а, 142]. Альбер Камю сделал вывод, что «наказание карающее, но не предотвращающее и впрямь заслуживает имя мести» [Камю 1998а, с. 141–142].

### Вина

По Альберу Камю чувство вины навязано обществом, а наказание выступает мстью общества, которую приводят в исполнение: «Убийце или палачу приходится довольствоваться лишь тенью победы – ведь

они не могут чувствовать себя невиновными. Им нужно вызвать чувство вины у своих жертв, чтобы в том безысходном мире, где они оказались, всеобщая виновность послужила оправданием новых актов насилия. Когда понятие невиновности истребляется даже в сознании невинной жертвы, над этим обреченным миром окончательно воцаряется культ силы. Вот почему омерзительные и страшные ритуалы покаяния так распространены в этом мире, где разве что камни избавлены от чувства вины... Право на убийство и унижение спасает рабскую душу от небытия» [Камю 1998в, 237].

Процесс, суд, вина – одни из центральных проблем литературы модернизма. Но предтечами выступили Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. А.С. Гольденвейзер неслучайно в моменте описания судебной процедуры в романах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского сопоставляет двух великих писателей: оба они показывают, что люди, которым вменили в обязанность вершить суд, заняты чем угодно, но не разбором дела по существу, каждый из них руководствуется собственными страстями, и в обоих случаях суд заканчивается осуждением невиновного лица. И, если для Ф.М. Достоевского суд и осуждение бывают необходимы в грешном мире, более необходимы для исправления самого преступника (А.С. Гольденвейзер отмечает, что в романе «Братья Карамазовы» присяжные вынесли обвинительное решение не из-за того, что было доказано отцеубийство Дмитрия Карамазова, а за *распущенную жизнь обвиняемого*), то для Л.Н. Толстого «дело уголовного суда есть дело не только лишнее, напрасное и жестокое, но дело, противное человеческой натуре» [Гольденвейзер 1911, 24].

Для Л.Н. Толстого «теория среды» тесно связана как с социальным окружением человека, так и с местом его проживания. Джордж Стайнер описывает взгляды писателя на положение человека в обществе, как ситуацию с загнанным охотниками зайцем: и «высшее общество ходит на охоту стаей» (здесь – на «охоту» за чуждым обществом человеком), и город, как внешняя, чуждая по отношению к человеку, среда, противопоставлена ему «социальной несправедливостью, искус-

ственными сексуальными условностями, бездушной демонстрацией богатства...» [Стайнер 2019, 117]. Для Л.Н. Толстого описанные условия – суть отчуждение человека «от фундаментальных моделей природного существования», которые он видит в жизни на природе, добывании трудом «хлеба насущного» [Стайнер 2019, 117].

Чтобы освободиться, человек должен очиститься. Сделать это возможно только встав на путь того, что Л.Н. Толстой понимал, как «очистительная дорога» (например, для Пьера Безухова это путь вместе с другими пленными через сожженную Москву [Стайнер 2019, 121], для Нехлюдова – отъезд в свои поместья, и т. п.). Здесь Стайнер обнаруживает близость взглядов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Оба они используют в своих произведениях этот «мотив отъезда навстречу спасению», но здесь же и видится различие во взглядах: «толстовским героям <спасение> дает земля», «великим грешникам» Ф.М. Достоевского спасение можно обрести лишь в Царствии Божьем [Стайнер 2019, 125], заслужив его поистине духовным подвигом раскаяния, которое невозможно без осознания вины.

Делая выбор в пользу души, Ф.М. Достоевский наказание трактует как часть духовного подвига, без которого невозможна μετάνοια. Так подлинное раскаяние по Ф.М. Достоевскому невозможно без санкционированного извне (со стороны государства) наказания. В подтверждение этой мысли писатель приводит свой опыт каторги. Каторжане «большую частью народ был мрачный, задумчивый. Про преступления свои никто не говорил. Никогда я не слышал никакого ропота. <...> Но, верно говорю, может, ни один из них не миновал долгого душевного страдания внутри себя, самого очищающего и укрепляющего... я видал их в церкви молящихся перед исповедью... помню их лица, – о, поверьте, никто из них не считал себя правым в душе своей!» [Достоевский 2007, 66–67].

Преступление, как феномен одновременно индивидуального и общественного бытия, рождается внутри человека, в его душе, и в душе же оно должно быть преодолено – таков вердикт Ф.М. Достоевского. Эту свою мысль писатель высказывал и ранее на

страницах своего романа «Преступление и наказание». Известно, что Родион Раскольников объясняя суть своего преступления, одновременно говорит, «что черт-то меня тогда потащил... Да ведь как убил-то? Разве так убивают?... Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я...» [Достоевский 1973, 322]. И так объясняет свои мотивы: «Я захотел, Соня, убить без казуистики, убить для себя, для себя одного!.. Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею» [Достоевский 1973, 321–322].

Исследователь творчества Ф.М. Достоевского Роуэн Уильямс отмечает, что в романе «Идиот» в одном из эпизодов происходит «взаимозамещение» «вины и невинности: Мышкин берет на себя бремя ответственности Рогожина и в тоже время – бремя ответственности за Рогожина» [Уильямс 2013, 81–82]. Мышкин в конечном итоге положительный персонаж, но невольно творящий зло. Выходит некое зло по незнанию, которое суть отсутствие жизненной позиции [Уильямс 2013, 82]. Есть и более точная интерпретация, которую дает Стайнер: «Рогожин – это первородный грех Мышкина. В той мере, в какой князь – человек, а значит, наследователь грехопадения, они оба должны оставаться одним целым» [Стайнер 2019, 201].

Уильямс утверждает, что в указанном эпизоде Ф.М. Достоевский проводит мысленный эксперимент. Краткая суть этого эксперимента состоит в следующем. В христианстве за нормативность берется состояние человека до грехопадения; важно отметить, что это состояние определяется, в том числе, и отсутствием вины, а сама вина – следствием необходимости постоянного выбора. Суть эксперимента – взять человека до грехопадения и перенести в нашу жизнь: «Попробуйте представить себе, как к представителю такого человечества отнесутся люди, которые в силу необходимости раз за разом вынуждены делать выбор, а, следовательно, и испытывать боль и тяжесть вины за причинение боли другим...» [Уильямс 2013, 82].

### Абсурдный персонаж

Здесь мы очень близко подходим к определению абсурдного персонажа в литературе европейского экзистенциализма: он не концептуализирует мир, то есть видит его распавшимся, каким он и есть на самом деле. Такой персонаж не понимает мир, он должен быть лишен памяти прошлого, открытых эмоциональных связей с другими людьми, быть «человеком из ниоткуда», идиотом». Только в таком случае он будет лишен комплекса вины за сделанный выбор. Это наталкивает нас на одно сомнение: такой человек будет ли волен сделать любой выбор, либо его выбор будет детерминирован средой? Ответ едва ли может быть получен. По Ф.М. Достоевскому, свобода воли – равная возможность совершать добро и зло. Совсем другое – нести ответственность, или нести вину. Само это противопоставление может являться мнимым, и тогда выбор может быть свободным от вины. Так, Альбер Камю как-то заметил, что вины нет, есть только ответственность. Это определение должно приближать нас к подлинной экзистенции человека, мистически сближая религиозный и атеистический направления экзистенциализма<sup>1</sup>.

Таков князь Мышкин – подлинно абсурдный персонаж, выбивающийся из ряда всех прочих персонажей Ф.М. Достоевского, которые испытывают и ответственность, и чувство вины. Странная фигура «князя-Христа» обладает только ответственностью. В контексте произведения – ответственностью за все нелепости, все зло, творимое прочими героями романа. Князь Мышкин, будучи невиновным ни в одном из грехов прочих персонажей, вместе с тем готов нести ответственность за эти грехи. Он как Христос – *лишен вины, но несет бремя ответственности*<sup>2</sup>.

Если искать похожих персонажей в литературе европейского экзистенциализма, то на память приходит г-н Мерсо из романа Камю «Посторонний». Герой, неспособный испытывать вину, но несущий ответственность (подвергнутый смертной казни) за каждый грех среды, а не за собственное преступление. Героя осуждают на смертную казнь не за факт убийства другого человека; осуждается не сам герой, а концептуализация его образа проку-

рором на суде: перечисляется отправка героем матери в дом престарелых, «злонамеренность» убийства араба, дружба с сутенером, курение на похоронах, внебрачные половые связи, чужое ханжество, которое требует слез на похоронах матери и т.п. [Камю 19986]. Для XX в. г-н Мерсо, по признанию Камю, стал единственным Христом, которого мы заслуживаем.

Абсурдный герой что у Ф.М. Достоевского, что у Альбера Камю – не нормативность для общества, а некое зеркало, в котором это общество видит свои пороки, поэтому такие герои устаиваются от общества уничижительным «идиот», каторги (концептуализация образа персонажа происходит также в романе «Братья Карамазовы» – прокурор концептуализирует образ Дмитрия Карамазова. И сам же герой полагает, что наказан за свою прошлую греховную жизнь, и поэтому не испытывает злобы на то, что ему не верят и вынесли обвинительный приговор [Достоевский 2012, 758–761]), а порой и смерти.

К теме будущего суда и осуждения невиновного в «Братьях Карамазовых» нас загодя подводит спор о церковном суде. Сбравшиеся в келье персонажи обсуждают статью Ивана Карамазова, в которой он, помимо всего прочего, постулирует невозможность компромисса между государством и церковью в вопросе суда, а также заявляет, что не церковь должна занимать определенное ей место в государстве, а «напротив, церковь должна заключать сама в себе все государство, а не занимать в нем лишь некоторых угол» [Достоевский 2012, 64]. Другой герой романа, отец Паисий, относит эту мысль к особому русскому пониманию и упованию. Еще один посетитель кельи Миусов низводит подобное до утопической мечты «об исчезновении войн, дипломатов, банков и прочь. Что-то даже похожее на социализм». И заявляет, что он думал, будто бы «церковь теперь... будет судить и приговаривать розги и каторгу», даже смертную казнь [Достоевский 2012, 66–67].

Это встречает возражение Ивана Карамазова: «Да если б и теперь был один лишь церковно-общественный суд, то и теперь бы церковь не посылала на каторгу или на смертную казнь. Преступление и взгляд на него должны бы были несомненно тогда изменить-

ся» [Достоевский 2012, 67]. Старец Зосима в этом споре различает «кару механическую» (государственную) и «кару настоящую», полагая, что от механической человек только ожесточается, а не исправляется, а настоящее исправление возможно только потому, что есть Христова церковь, и настоящая кара – это кара от собственной совести [Достоевский 2012, 67–69].

Однако в этом споре признается, что подобное возможно только если реализовалась теократическая утопия и само государство стало церковью. Вне этого люди пребывают в греховном мире обладая только подлинной свободой выбора между добром и злом. Так, не являясь нормой, фигура «князя-Христа» является иллюстрацией одной важной идеи Ф.М. Достоевского: невозможно убрать комплекс вины у человека, не лишив его подлинной свободы. Поэтому Великий Инквизитор Ф.М. Достоевского, снимая бремя вины с человечества, допускает ограничение свободы, т.к. она суть тяжкое бремя, которое не по силам вынести человеку, и именно свобода в своем экзистенциальном проявлении – обреченности выбора, несет в себе и вину, и страдание [Достоевский 2012, 252–270]. Принципиальную невозможность отделить вину от ответственности в мире, что во зле лежит, Ф.М. Достоевский интерпретирует и через бунт против Божьей воли, когда первые люди не признали ни вины, ни ответственности за свой сознательный выбор. К.А. Степанян считает, что именно этим аргументом писатель восстает против «теории среды» [Степанян 2010, 117].

В таком случае понятны взгляды Ф.М. Достоевского на то, что человек, распорядившись свободой выбора так, что она произвела на свет преступление, обязан понести ответственность, которая является вместе с тем средством подлинного искупления вины. К.А. Степанян интерпретирует это, как своеобразную теодицею Ф.М. Достоевского – зло в мире не от бога, а от человека: «Если человек полностью отделяет себя от всего мира и остального человечества – судить его он не имеет права. Если же не отделяет – должен признать свою неразрывную кровную, духовную связь со всем телом человечества – и тогда нет отдельной жизни и отдельной

вины: каждая вина и каждый грех – твои, ты в нем виноват». Как у старца Зосимы: каждый за всех и за все виноват, «ибо был бы я сам праведен, может, и преступника, стоящего передо мною, не было бы» [Степанян 2010, 73].

Иначе толкует вину в философии Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше И.И. Евлампиев, цитируя выдержки из «Антихриста» немецкого философа, которые должны прояснить категорию вины у Ф.М. Достоевского: «...в указанном состоянии «Царства Небесного», «рая», Христос непосредственно ощущает свое нерасторжимое единство с Богом». Бог «...некая загадочная внутренняя глубина в человеке, обнаруживая которую, Христос являет свою абсолютность, божественность. И именно эта практика выявления в себе абсолютной основы, абсолютной жизни, «живой жизни», и является главным и единственным постулатом учения Иисуса Христа, именно эта практика, и только она, и есть истинное христианство. По отношению к ней все представления о грехе, об искуплении и спасении оказываются ложью и искажением, точно так же, как и вся концепция церкви как «спасающей» инстанции, обеспечивающей «связь» между мифическим Богом и немощным человеком. Во всей психологии Евангелия отсутствует понятие вины и наказания; равно как и понятие награды. “Грех”, все, чем определяется расстояние между Богом и человеком, уничтожен, – это и есть “благовестие”» [Евлампиев 2012, 579–580].

## Наказание

В отличие от глубинной взаимосвязи преступления (как негативного проявления свободы воли) и наказания (*ответственности* и *вины* за свободу воли) у Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстой утверждает, что наказание суть такое же преступление, и даже большее, раз речь идет о нарушении божественной заповеди. И дело даже не в том, что наказанием может выступать смертная казнь (оба писателя ее последовательные противники), которая суть убийство, несмотря на всевозможную казуистику. В любом случае смертная казнь в христианском смысле восстает против божественного замысла относительно человека. Бывает так, что смертная казнь,

как приговор, лишь озлобляет человека перед смертью. Тогда как Христос учил возможности покаяния даже на смертном одре (согласно Луке, один из разбойников на кресте раскаялся, и его раскаяние – подлинная *μετάνοια*), и никто не вправе его искусственно приближать, восставая, таким образом, против того, что Бог отмерил (эта мысль в русской философии впервые появляется у Владимира Мономаха).

Свою задачу Л.Н. Толстой видит в том, чтобы показать и научить, что такое подлинное добро в христианском смысле. Почему люди, согласно Л.Н. Толстому, совершают зло? Потому что думают, что это добро, и они просто не знают истины: «Если же истина неизвестна им и они делают зло, считая его благом, то я знаю истину только для того, чтобы показать ее тем, которые не знают ее. Показать же ее им я не могу иначе, как отречением от участия в зле, исповеданием истины на деле» [Толстой 1957б, 462].

По Ницше, Иисус Христос умирает «не ради искупления, а чтобы показать, как надо жить... Он ничему не противится, не защищает своих прав, не делает и шага ради того, чтобы предотвратить самое страшное, – более того, он еще торопит весь этот ужас... и он молит, он страдает и любит вместе с теми и в тех, кто чинит ему зло... Все евангелие содержится в словах разбойнику, сказанных на кресте. “Истинно человек этот был праведник, сын Божий”, – говорит разбойник. “Если ты это чувствуешь, – отвечает спаситель, – ныне же будешь со мною в раю, будешь, как и я, сыном Божим...” Не противиться, не гневаться, не призывать к ответу... И злу не противиться – любить его...» [Ницше 2009, 143–144].

Это уже знакомое нам толстовское непротивление злу насилием. В сущности, Л.Н. Толстой, как и многие до него, подметил такую общую направленность уголовных судов, как обвинительный уклон [Гольденвейзер 1911, 27]. Зачастую человек вынужден пройти множество судебных инстанций, чтобы наконец получить пресловутую презумпцию невиновности по отношению к собственной личности. Часто в отношении него работает обратный принцип – презумпция виновности, и необходимо приложить немало усилий, чтобы доказать порой очевидное, или смирить-

ся, как кафкианский Йозеф К., но участь последнего печальна.

Л.Н. Толстого тяготит то, что суд может допустить ошибку, еще более его тяготит то, что это может быть процессуальная ошибка, бюрократическая, но за ней может скрываться судьба конкретного человека, как, например, вышло в деле Катюши Масловой из романа «Воскресенье»: «Посмотрите, какую они <суд присяжных> нелепость вынесли... ведь это каторжные работы, а она не виновата» [Толстой 1957а, 89]. Это понуждает его сделать вывод о неправде всех человеческих судов. Причем суды объявляются Л.Н. Толстым частью общественного зла, ведь для него «преступление настолько лишь подлежит исследованию, как общественное явление, насколько в нем получило реальное выражение то общественное зло, которое его породило» [Гольденвейзер 1911, 37], то есть среда. В глазах Л.Н. Толстого «наказание есть... самое вопиющее из преступлений. Преступление – это, однако, не такое, как те, за которые судят преступников, а преступление всего человеческого общества» [Гольденвейзер 1911, 61].

Однако было бы слишком просто, если бы Л.Н. Толстой построил все повествование романа на судебной ошибке. А.С. Гольденвейзер полагал, что не сама вероятность судебной ошибки тяготит писателя, «а моральная ошибка самого существования уголовного суда» [Гольденвейзер 1911, 43]. Причем весь роман «Воскресенье», этот первый не календарный, а экзистенциальный роман XX в., выступает как приговор тому обществу, в котором важна правильность процедуры, а не человек. Роман предвосхитил абсурдизм «Процесса» Франца Кафки, угадал XX в., как угадал его Ф.М. Достоевский в пророческом романе «Бесы». Вместе они породили то зеркало, в котором мы узнаем себя до сих пор.

Романом «Воскресение» Л.Н. Толстой вынес приговор человеческому обществу на многие годы (столетия?) вперед, от которого не так просто отмахнуться. И, если для Ф.М. Достоевского рождает преступление душа, и лишь она вполне может его преодолеть, то для Л.Н. Толстого каждый частный случай преступления суть часть всеобщего зла, которое возможно преодолеть только со-

вместными усилиями, только путем исправления общества. Прошлый век показал, что попытки деятельного исправления общества (сопротивления злу силой) приводят ко все новым случаям зла, и мы попадаем в своего рода квадратуру круга. Л.Н. Толстой предлагал непротивление, трактуя его в разные периоды жизни и в моральном смысле, и в религиозном. Возможно правы те, кто утверждает, что «религиозно развитые личности, достигшие соединения с полнотой бытия (с Богом), обретают мистические, не связанные с физическим насилием средства для воздействия на злодея и на весь окружающий мир, поэтому они могут предотвратить распространение зла, не прибегая к насилию» [Евлампиев, Матвеева 2020, 178–179], но в глобальном опыте человечества примеров действия именно *на весь* окружающий мир нет.

### Вывод

XX век обнажил «банальность зла», зияющую бездну, в которую окунулись человек и человечество. Во второй половине XX в. Эрих Фромм придет к своему собственному заключению касательно спора – среда или душа. Во фрейдистском учении о влечении к *рос* и влечении к *θάνατος*, Фромм нашел основание считать, что люди делятся на тех, у кого нет врожденной тяги к деструктивности, и на тех, у кого она есть. Конечный же вердикт по Фромму – среда: даже деструктивная по природе личность способна на положительное созидание, если ее природа была скорректирована воспитанием, социальным окружением, то есть в сущности средой. Эрих Фромм определил это как социальные условия жизни человека [Фромм 2010, 339]. Что же, опять пытаться исправить социальные условия? Хотя и в этом есть доля правды.

Известно, что после периода мировых войн, в целом юстиция в развитых странах мира пошла путем смягчения уголовного наказания. Но если в конечном счете смягчение уголовного наказания суть смещение фокуса с наказания плоти на наказание духа, то современная уголовная статистика дает основание для нетривиального вывода. Известен факт того, что в странах, в которых уголовное наказание имеет мягкую природу, про-

цент повторного совершения преступлений ниже, нежели в странах, где уголовное наказание остается тяжелым. Практика показала, что реакция людей на частичное ограничение своих прав всегда острее, нежели на полное их ограничение. Это же касается и смертной казни, которая суть полное умаление права человека на жизнь.

В таких условиях частично ограниченные права и человеческая реакция на это, выявляют следующую особенность: в ход идет влияние социального окружения, которое, как правило, осведомлено о том, по какой причине ограничены права того или иного человека. Осведомлено и о том, как это ограничение мешает ему вести полноправную жизнь в среде привычного для него социального окружения. Именно это способствует более эффективному становлению человека на путь исправления.

Социальное окружение, социальные условия жизни играют довольно заметную роль в становлении человека как личности. И здесь правота Л.Н. Толстого несомненна: социальные условия жизни зачастую выступают как решающий фактор становления и развития разного рода социальных девиаций и на индивидуально-личностном уровне, и на уровне «психологии народов и масс», как это показал исторический опыт прошлого века. Но для Л.Н. Толстого была характерна и вера в то, что на социальную среду возможно воздействовать силой моральной проповеди и, вероятно, через воспитание нравственной личности. Не случайно он в своей жизни обращался и к опыту педагогики. Так, по мнению Д. Мулена, исследователя Л.Н. Толстого как педагога, для писателя было характерно представление о том, что духовные и моральные истины вечны, и без них невозможно духовное образование личности [Moulin 2008].

Однако не стоит сбрасывать со счетов и то, что преступление, прежде чем стать социальной реальностью, рождается в душе человека, и здесь прав Ф.М. Достоевский. И это рождение не детерминировано исключительно социальной средой, ведь и душа греховна, и мир во зле лежит. Но человек в подлинной своей природе надмирен, и способен возвысится над грехом до ответственности, и ответственность эта за все в мире. Бог со-

здал человека таким, что он первый после Бога способен понять красоту творения [Августин Блаженный 2013], и именно этим в конечном итоге определяется его *ответственность*.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Совершенный человек не имеет вины, а имеет ответственность. Относительной иллюстрацией этого тезиса является сказание св. Игнатия Брянчанинова о том, как некий монах «пал, но победил» беса, не подвергнувшись греху уныния за совершенное прелюбодеяние. Человек спасается не осознанием своей ничтожности из-за греховной природы, а ответственностью за себя и других через осознание собственного достоинства. По мысли Антония Сурожского, человек велик, когда он освобожден от греха, то есть понять подлинную природу человека и ее величие можно только если человек свободен от греха.

<sup>2</sup> Здесь следует понимать Голгофу Христа как несение ответственности за грехи каждого человека. Князь Мышкин необходим Ф.М. Достоевскому для иллюстрации этой мысли.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августин Блаженный 2013 – *Августин Блаженный. Исповедь*. СПб.: Наука, 2013.
- Басинский 2018 – *Басинский П.В. Святой против Льва: Иоанн Кронштадский и Лев Толстой: история одной вражды*. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018.
- Гольденвейзер 1911 – *Гольденвейзер А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление: (Мотивы Толстовского «Воскресения»)*. Киев: Изд. товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокат. деятельности авт., 1911.
- Достоевский 1973 – *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений*. В 30 т. Т. 6. Преступление и наказание. М.: Наука, 1973.
- Достоевский 2007 – *Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков*. М.: Эксмо, 2007.
- Достоевский 2012 – *Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы*. М.: Мартин, 2012.
- Евлампиев 2012 – *Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф.М. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»)*. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2012.
- Евлампиев, Матвеева 2020 – *Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Принцип «непротивления злу насилием» Л.Н. Толстого в контексте русской религиозной философии конца XIX – начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2020. Т. 24, № 2. С. 165–180.
- Камю 1998а – *Камю А. Размышления о гильотине // Сочинения*. В 5 т. Т. 4. Харьков: Фолио, 1998. С. 121–170.
- Камю 1998б – *Камю А. Посторонний // Сочинения*. В 5 т. Т. 1. Харьков: Фолио, 1998. С. 317–396.
- Камю 1998в – *Камю А. Человек бунтующий // Сочинения*. В 5 т. Т. 3. Харьков: Фолио, 1998. С. 59–360.
- Кафка 2007 – *Кафка Ф. Процесс. Замок. Новеллы и притчи. Афоризмы. Письмо отцу. Завещание*. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
- Ницше 2009 – *Ницше Ф. Антихрист // Полное собрание сочинений*. В 13 т. Т. 6. М.: Культ. революция, 2009. С. 109–184.
- Стайнер 2019 – *Стайнер Дж. Толстой и Достоевский: противостояние*. М.: АСТ, 2019.
- Степанян 2010 – *Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского*. СПб.: Крига, 2010.
- Толстой 1957а – *Толстой Л.Н. Воскресенье // Собрание сочинений*. В 12 т. Т. 10. М.: Правда, 1957. С. 5–468.
- Толстой 1957б – *Толстой Л.Н. В чем моя вера? Произведения 1879–1884 // Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 23. М.: Худож. лит., 1957. С. 304–468.
- Толстой 1957в – *Толстой Л.Н. Соединение и перевод четырех евангелий. Произведения 1880–1884 // Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 24. М.: Худож. лит., 1957. С. 7–800.
- Уильямс 2013 – *Уильямс Р. Достоевский: язык, вера, повествование*. М.: РОССПЭН, 2013.
- Фромм 2010 – *Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности*. М.: АСТ: Астрель, 2010.
- Фуко 2016 – *Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс, сор. 2016.
- Moulin 2008 – *Moulin D. Leo Tolstoy the Spiritual Educator // International Journal of Childrens Spirituality*. 2008. Vol. 13, № 4. P. 345–353.

### REFERENCES

- Augustine the Blessed, 2013. *Confession*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Basinsky P.V., 2018. *The Saint Against the Lion: John of Kronstadt and Leo Tolstoy: The Story of One Enmity*. Moscow, AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi.
- Goldenweiser A.S., 1911. *Crime as Punishment, and Punishment as a Crime: (Tolstoy's Motives)*.

- “Resurrection”). Kiev: Izd. tovarishchey v oznamenovanie 35-letnego yubileya advokat. deyatel'nosti avt.
- Dostoevsky F.M., 1973. *Complete Works. In 30 Vols. Vol. 6. Crime and Punishment.* Moscow, Nauka Publ.
- Dostoevsky F.M., 2007. *The Writer's Diary: A Book of Essays.* Moscow, Eksmo Publ.
- Dostoevsky F.M., 2012. *Brothers Karamazov.* Moscow, Martin Publ.
- Evlampiev I.I., 2012. *Philosophy of Man in the Works of F.M. Dostoevsky (From Early Works to the Brothers Karamazov).* Saint Petersburg, Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. akad.
- Evlampiev I.I., Matveeva I.Y., 2020. The Principle of “Non-Resistance to Evil by Violence” by L.N. Tolstoy in the Context of Russian Religious Philosophy of the Late XIX – Early XX Century. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofii*, vol. 24, no. 2, pp. 165-180.
- Camus A., 1998a. Reflections on the Guillotine. *Sochineniia.* In 5 Vols. Vol. 4. Kharkiv, Folio Publ., pp. 121-170.
- Camus A., 1998b. Outsider. *Sochineniia.* In 5 Vols. Vol. 1. Kharkiv: Folio Publ., pp. 317-396.
- Camus A., 1998v. The Rebellious Man. *Sochineniia.* In 5 Vols. Vol. 3. Kharkiv: Folio Publ., pp. 59-360.
- Kafka F., 2007. *Process. Castle. Short Stories and Parables. Aphorisms. A Letter to My Father. Testament.* Moscow, AST Publ., KhRANITEL' Publ.
- Nietzsche F., 2009. Antichrist. *Polnoe sobranie sochinenii.* In 13 Vols. Vol. 6. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiy Publ., pp. 109-184.
- Steiner G., 2019. *Tolstoy or Dostoevsky: An Essay in Contrast.* Moscow, AST Publ.
- Stepanyan K.A., 2010. *Phenomenon and Dialogue in the Novels of F.M. Dostoevsky.* Saint Petersburg, Kriga Publ.
- Tolstoy L.N., 1957a. Resurrection. *Sobranie sochinenii.* In 12 Vols. Vol. 10. Moscow, Pravda Publ., pp. 5-468.
- Tolstoy L.N., 1957b. What is My Faith? Works of 1879–1884. *Polnoe sobranie sochinenii.* In 90 Vols. Vol. 23. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 304-468.
- Tolstoy L.N., 1957v. Connection and Translation of the Four Gospels. Works of 1880–1884. *Polnoe sobranie sochinenii.* In 90 Vols. Vol. 24. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 7-800.
- Williams R., 2013. *Dostoevsky: Language, Faith and Fiction.* Moscow, ROSSPEN Publ.
- Fromm E., 2010. *Anatomy of Human Destructiveness.* Moscow, AST Publ., Astrel Publ.
- Foucault M., 2016. *To Supervise and Punish: The Birth of the Prison.* Moscow, Ad Marginem Press Publ.
- Moulin D., 2008. Leo Tolstoy the Spiritual Educator. *International Journal of Childrens Spirituality*, vol. 13, no. 4, pp. 345-353.

### Information About the Author

**Aleksandr V. Kiryakin**, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer, Department of History and Philosophy, Derzhavin Tambov State University, Internatsionalnaya St, 33, 392000 Tambov, Russian Federation, kiryakinallek@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4391-7428>

### Информация об авторе

**Александр Викторович Кирякин**, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ул. Интернациональная, 33, 392000 г. Тамбов, Российская Федерация, kiryakinallek@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4391-7428>